

БЕСконечный Город

«Украденное алиби»

Юрий П. БЕСконечный город. «Украденное алиби»

<https://litres.ru/74295717>

SelfPub; 2026

Аннотация

В БЕСконечном городе можно потерять всё: кошелёк, репутацию, дорогу домой. А если ты младший оценщик Пликс — ещё и алиби. Его обвиняют в краже сейфа, хотя он клянётся, что был на лекции. Вот только магия города, записи и свидетели говорят иное. Остались лишь странные следы: пустое место в аудитории, вопрос без автора и несуществующая ветка метро.

Частный сыщик Гарс — не маг и не герой, зато у него есть чутьё, связи и дурная привычка лезть не в своё дело. Вывеска на двери гласит: «Не моё дело», но сам он в неё уже давно не верит. И, похоже, это как раз его случай.

Содержание

Глава 1. Денег Нет, Алиби Тоже	4
Глава 2. Самооговор с Магическим Уклоном	26

Юрий П. БЕСконечный город. «Украденное алиби»

Глава 1. Денег Нет, Алиби Тоже

Денег у меня не было.

Это даже не новость, а климат. Постоянная погода в моем бюро. Иногда — ливень из счетов, иногда — морось напоминаний. Солнце финансового благополучия не вставало здесь так давно, что я подозревал его в переезде в богатый район. У солнца, в отличие от меня, на дорогу хватало.

Я сидел за столом. Когда-то он был солидным. Потом старым. Затем опытным. Сейчас он находился в той благородной стадии, когда мебель не ломается, а философски расходится по швам. На столе лежали: три счета, два предупреждения, одна квитанция за магическое отопление и записка от домового инспектора. В записке утверждалось, что в моем помещении завелась задолженность.

Я перечитал.

Задолженность действительно завелась. Я даже знал, где она спит: в левом нижнем ящике, рядом с неоплаченными штрафами и мешочком медных кругляшей. Мешочек я бе-

рег на черный день. Черный день наступал каждое утро, поэтому мешочек давно похудел и звенел так жалобно, будто хотел подать на меня в суд за ненадлежащее содержание.

На двери, отделявшей бюро от лестницы, висела табличка: «Не мое дело».

Это было название.

Клиенты редко понимали юмор с первого раза. Некоторые — со второго. Большинство — только когда я называл цену. На этом месте они обычно решали, что дело действительно не мое, и уходили искать кого-то дешевле, моложе или хотя бы с ковром. Ковра у меня не было. Молодость тоже ушла без предупреждения, адреса не оставила.

Мне было около сорока. В БЕСконечном городе это значит: достаточно стар, чтобы не верить объявлениям метро, и достаточно молод, чтобы иногда на них попадаться.

Я брался почти за все, кроме поиска смысла жизни, возвращения чести и наследственных споров, где одна из сторон уже прокляла другую через нотариуса. Последнее было не принципом, а вопросом здоровья. Нотариальные проклятия плохо снимаются и отлично держатся на обуви, одежде и всем, к чему могут прицепиться.

В тот день я пытался решить, какой счет оплатить первым: за свет, отопление или лицензию на вывеску. Вывеска, утверждало уведомление, занимает «общественное внимание» и облагается внимательным сбором. Я уже хотел написать жалобу, но вспомнил: жалобы тоже облагаются сбо-

ром, если достаточно убедительны.

В дверь постучали.

Я посмотрел на счета. Счета посмотрели на меня. У них был вид документов, надеющихся на чудо.

— Войдите.

Дверь открылась осторожно — как будто снаружи стоял человек, не доверяющий ни мне, ни петлям. В комнату просунулся нос. За носом — владелец: худой, узкоплечий, в большом воротнике и маленькой шляпе. С выражением лица, какое бывает у людей, которые всю жизнь честно подписывали бумаги, а потом одна из бумаг подписала их в ответ.

Он оглядел бюро. Стол, два стула, шкаф с делами, окно с видом на стену соседнего дома. И мою табличку на двери изнутри, где надпись выглядела еще убедительнее.

— Это сыскное бюро? — спросил он.

— Если вы за коврами — нет.

Он моргнул.

— Я к Гарсу.

— Тогда повезло. Я сегодня почти он.

— Почти?

— До первого платежа все люди немного не те, кем кажутся.

Он снял шляпу, прижал к груди и шагнул внутрь. На вид — из тех, кто извиняется перед стулом, если сел слишком резко. На манжете пиджака блеснула бронзовая булавка ломбарда «Временно ваше»: круглая, с крошечным замком и

надписью.

Ломбард я знал. Хорошее место, если срочно нужны деньги и вы готовы оставить в залог что-то менее важное, чем рука, но ценнее достоинства. Там принимали часы, амулеты, родовые кольца, проклятые сервизы, говорящие зеркала с характером и семейные тайны в конвертах. Тайны ценились плохо — большинство оказывалось дешевыми и с пятнами.

— Садитесь.

Он сел на край стула, будто боялся, что тот предъявит счет.

— Пликс. Младший оценщик третьего стола.

— Третьего?

— Первый оценивает драгоценности, второй — проклятые предметы, третий — всё, что спорит с оценщиком.

— Часто спорите с имуществом?

— Только по службе.

Я взял чистый лист. Роскошь, но клиент выглядел достаточно испуганным, чтобы заслужить официальный вид.

— Что случилось, Пликс?

Он сглотнул.

— У меня украли алиби.

Я приготовился записывать, но не стал портить бумагу раньше времени. Иногда лучшая реакция — дать глупости самой постоять в комнате. Если не падает — значит, возможно, это не глупость, а начало дела.

— Повторите.

— У меня украли алиби.

— Обычно приходят, чтобы его найти.

— Я тоже так думал. Но...

Он сказал это с таким несчастным достоинством, что я не стал улыбаться. Частный сыщик живет не только на деньги, но и на умение вовремя не испортить клиенту драму.

— Начнем с простого. Вас в чем-то обвиняют?

Пликс кивнул.

— В краже сейфа.

— Содержимого?

— Нет. Сейфа.

— Целиком?

— Он самозапирающийся.

— Это не ответ.

— Для него — ответ. Он всегда так говорил.

Я откинулся на спинку. Спинка скрипнула с таким укором, будто тоже хотела участвовать.

— Вы украли самозапирающийся сейф?

— Нет!

— Хорошо. Проверка. Люди, которые украли сейф, обычно отвечают: «Какой именно?»

Пликс побледнел.

— У нас он один.

— Тем хуже для статистики. Рассказывайте.

Он достал из кармана сложенный лист. Руки дрожали, бумага шелестела, как мышь, которой объявили налог на сыр.

Я взял. Уведомление о внутреннем расследовании. Печать «Временно ваше», подпись управляющего, сухой канцелярский язык: младший оценщик Пликс временно отстранен в связи с исчезновением сейфа номер один. В документах он именовался «имущество постоянного хранения, самозапирающееся, самоуверенное».

— Самоуверенное? — переспросил я.

— Он настоял.

— Сейф?

— Он вел собственную книгу жалоб.

Я дочитал. Время: между девятью и десятью вечера. Доступ: три ключа, две печати, одно устное согласие сейфа, заведенное дежурным замком. Подозреваемый: Пликс. Имел ключ, дежурил, спорил с сейфом накануне. И был упомянут в последней записи книги жалоб.

— Что за запись?

Пликс зажмурился:

— «Если меня украдет Пликс — я предупреждал».

— Вы часто доводите мебель до пророчеств?

— Это была не мебель. Это был сейф.

— Простите. Не хотел оскорбить его социальное положение.

Он сжал шляпу так, что поля сложились внутрь.

— Я не крал его, господин Гарс.

— Просто Гарс.

— Да, господин просто Гарс.

— Нет. Просто Гарс.

— Простите.

Он был так искренне напуган, что трудно было сердиться. Даже город, наверное, стыдился бы. Хотя город редко упускает случай взять плату за стыд.

— Где вы были между девятью и десятью?

— На лекции. «Основы честной оценки проклятых предметов».

— Звучит как вечер, ради которого стоит украсть сейф, лишь бы не идти.

— Я был там! — Пликс подался вперед. — В третьем ряду, справа от прохода. Лектор читал про сосуда с остаточным злопамятством. Показывал чайник, который с каждым кипячением снижает залоговую стоимость кухни. Я задавал вопрос.

— Какой?

— Можно ли считать проклятие дефектом, если покупатель сам его просил.

— Хороший вопрос.

— Лектор сказал, что хороший. А теперь говорит, что такого вопроса не было.

Я сделал первую запись.

— Кто еще вас видел?

— Двенадцать человек. Должны были видеть. Старший оценщик, две ученицы, хранитель каталога, женщина в зеленом платке, мужчина с очень упрямой бородой...

— Борода была упрямее мужчины?

— Намного. Она занимала еще полместа рядом с ним.

— И все они вас не помнят?

— Помнят лекцию. Третий ряд. И что справа от прохода кто-то кашлял.

— Вы кашляли?

— У меня аллергия на остаточное злопамятство.

— Удобно.

— Но они не помнят меня.

Он произнес это почти шепотом. В комнате стало тише. Не потому что история стала правдоподобной. Наоборот — слишком неправдоподобной, чтобы быть обычной ложью. Обычная ложь экономна: «Я был дома», «Я спал», «Я не знал». У нее маленький бюджет. Пликс принес историю с лекцией, бородой, чайником, двенадцатью свидетелями и сейфом, который заранее подозревал его в краже. Это было либо безумие, либо БЕСконечный город в хорошем настроении.

Разница между ними обычно выясняется после аванса.

— Документы посещения были?

— Да. На лекции ставили магическую отметку. Для учета повышения квалификации.

— И?

Пликс вытащил второй лист.

Ведомость оказалась аккуратной. Слишком аккуратной. Двадцать семь имен, у каждого — светлая точка подтвержде-

ния. На месте Пликса — пустая строка. Не зачеркнутая, не стертая, не испорченная. Просто пустая. Будто бумага никогда о нем не слышала.

— Кто вел?

— Автописец. Новый.

— Тогда он должен ошибаться чаще.

Пликс жалко улыбнулся. Юмор дошел, но сил отвечать не было.

— Я ходил к устроителям. Они сказали: мест нет не только в списке, но и в памяти зала.

— Памяти зала?

— Лекционная аудитория сохраняет общий отпечаток слушателей. Чтобы спорные зачеты не подделывали.

— И отпечаток?

— Третий ряд есть. Кашель есть. Свободное место справа от прохода — есть.

— Свободное.

— Да.

Я положил ведомость рядом с уведомлением. Две бумаги смотрели друг на друга как дальние родственники на похоронах: вроде связаны, но говорить не о чем.

— Вы уверены, что не перепутали день?

Он выпрямился.

— Я младший оценщик третьего стола. Могу перепутать цену, если предмет убеждает. Могу перепутать проклятие с характером владельца. Это часто одно и то же. Но лекции я

не путаю. За них доплачивают.

Сильный довод. Люди забывают любовь, долги и обещания. Но редко — то, за что им доплачивают.

— Сколько?

— Три серебряных и право не дежурить в субботу.

— Ради субботы люди совершали и худшее.

— Я был на лекции.

Я кивнул.

— Допустим. Что пропало вместе с сейфом?

Пликс замялся.

— Это сложно.

— Если бы было просто, вы бы пришли к кому-нибудь с ковром.

— В сейфе хранились вещи, которые нельзя хранить в обычных сейфах.

— Потому что опасны?

— Потому что обижаются.

— На что?

— На недоверие.

Я вздохнул. Вещи, обижающиеся на недоверие, обычно заслуживают его в первую очередь.

— Список есть?

— У управляющего.

— Видели?

— Только общий: семь запечатанных ячеек, два зеркальных договора, один зуб неизвестного права собственности,

браслет невозвращенного обещания и коробка без ярлыка.

— Коробка без ярлыка — всегда плохо.

— Почему?

— Если на коробке нет ярлыка, значит кто-то решил, что ярлык страшнее содержимого.

Пликс посмотрел на меня так, будто я подтвердил его худшие ожидания и добавил проценты.

Я встал, подошел к окну. За стеклом — стена соседнего дома. На стене — реклама метро: «До любой станции — почти всегда туда». Мелким шрифтом: «Администрация не отвечает за прибытие пассажиров в смысловом, юридическом и семейном отношении».

Метро в БЕСконечном городе удобно, если не задавать вопросов. Оно связывало районы, которые иначе пришлось бы обходить неделями, месяцами или по завещанию. Большинство горожан пользовалось им каждый день и относилось к этому как к погоде: ворчали, платили и надеялись не попасть на ветку, где контролеры проверяют не билет, а жизненные решения.

— Вы ехали на лекцию метро?

Пликс моргнул.

— Да.

— Линия?

— Центральная до Узловой, потом пересадка на Серую.

— Билет сохранился?

Он полез в карман и достал тонкую полоску плотной бу-

маги. Билеты метро любили выглядеть старомодно. Это внушало пассажирам мысль, что город хотя бы делает вид, будто понимает, куда их отправляет.

Я взял.

Отправление: Ломбардная. Пересадка: Узловая. Назначение: Лекторий Третьего Согласия. Вход: 20:22. Выход: пусто.

Я поднял взгляд.

— Вы вышли?

— Конечно.

— Билет так не считает.

— Но я был на лекции!

— Билет считает, что вы вошли в метро и никуда не вышли.

Пликс побледнел еще сильнее. Я не знал, возможно ли это с медицинской точки зрения, но он старался.

— Значит, я все еще в метро?

— Нет. Вы сидите в моем бюро и портите стул волнением.

— Тогда почему...

— Потому что кто-то не стер ваш день целиком. Он вынул из него подтверждения. Свидетели помнят место без вас. Ведомость — строку без имени. Билет — вход без выхода.

Я сказал это и услышал, как фраза легла в воздух. Не объяснение, но форма объяснения. Иногда дело начинается именно так: не с ответа, а с контура пустоты.

Пликс смотрел так, будто я уже спас его, хотя всего лишь назвал яму ямой.

— То есть вы мне верите?

— Я верю бумагам, когда они врут одинаково.

— Они врут?

— Нет. Вот что неприятно.

Он снова сжал шляпу.

— Вы возьметесь?

Я посмотрел на счета. Потом на билет. Потом на Пликса. Потом снова на счета. Профессиональная этика подсказывала: нельзя брать дело только потому, что клиент пришел в момент финансовой гибели. Личная практика подсказывала: этика редко платит за отопление.

— Аванс.

Пликс оживился, достал кошелек. Маленький, потертый, грустный — мой мешочек мог бы с ним подружиться. Он вытряхнул на стол четыре серебряных, девять медных и одну плоскую монету с дыркой.

— Это не наша монета.

— Она сама пришла. В сдаче.

Я взял монету с дыркой, посмотрел на свет. Сквозь отверстие видна была дверь и табличка «Не мое дело». Табличка смотрелась как совет. Я же, как обычно, не собирался ему следовать.

— На первый день хватит.

Пликс выдохнул.

— Что мне делать?

— Ничего героического. Не бегите, не прячьтесь, не пы-

тайтесь доказать невиновность людям, которым за сомнения не доплачивают. И не разговаривайте с сейфами, если они вдруг начнут связываться.

— Но сейф украден.

— Тем более. Украденные сейфы часто становятся общительнее.

Он кивнул так серьезно, будто я сообщил важное профессиональное правило. В БЕСконечном городе проблема была не в том, что люди верили в странное. Проблема — в том, что странное верило в них первым.

Я спрятал аванс в ящик, где задолженность уже потирала руки, и взял плащ.

— Мы идем в ломбард? — спросил Пликс.

— Сначала на лекцию.

— Почему?

— Украсть сейф трудно. Украсть лекцию из человека — интереснее.

— Но лекция уже закончилась.

— Зато последствия, как обычно, задержались.

Лекторий Третьего Согласия находился в районе, который официально назывался Образовательным, а неофициально — местом, где люди платят за право узнать, насколько они были неправы до этого. Добраться пешком можно за несколько часов, если не сворачивать и не спорить с указателями. Указатели в том районе имели педагогический уклон и любили задавать встречные вопросы.

Мы спустились по лестнице. На втором пролете из двери выглянула соседка — госпожа Мерва. Она торговала сушеными предсказаниями и свежими слухами, причем слухи сбывались чаще.

— Гарсик, — сказала она.

Я закрыл глаза.

— Гарс.

— Конечно, милый. Гарсик, к тебе опять клиент?

— Нет, это алиби пришло забрать сдачу.

Пликс дернулся.

Мерва прищурилась:

— Алиби нынче беспокойные. У Тирры с третьего этажа вчера муж потерял алиби на карточный вечер.

— И где нашлось?

— У соседки.

— Это не алиби, это улика.

— Я ему так и сказала.

Она посмотрела на Пликса, на шляпу, на меня, на дверь, которую я запираю на ключ — потому что замок без ключа начинал скучать и щелкать в неподходящие моменты.

— Ты за квартиру когда заплатишь?

— Как только расследую преступление против платежеспособности.

— То есть никогда?

— Вы недооцениваете мой оптимизм.

— Я его в прошлом месяце сушила. Плохо хранится.

Мы вышли на улицу под ее довольное фыркание. Пликс шагал рядом и старался не задавать вопросов. Редкое качество. Я сразу заподозрил, что надолго не хватит.

— Почему она назвала вас Гарсиком? — спросил он через десять шагов.

Не хватило.

— Потому что некоторые люди не ценят жизнь.

— Это ваше полное имя?

— Это ошибка прошлого.

— Но звучит...

— Пликс.

— Да?

— Хотите найти алиби?

— Очень.

— Тогда не ищите мое детство.

Он кивнул и замолчал. Умный клиент. Возможно, временно.

Мы свернули к метро. Ближайшая станция называлась Ломбардная — потому что в этом городе даже подземка любит напоминать о финансовом положении.

Станция пряталась между лавкой потерянных ключей и конторой срочного составления оправданий. Над входом висела светящаяся надпись: «Пассажиры без направления оплачивают двойной тариф». Ниже кто-то приписал мелом: «Пассажиры с направлением — тоже». Одна из тех городских правд, за которые лицензию не выдают, чтобы потом

было проще штрафовать.

Мы спустились.

Метро пахло озоном, мокрым камнем и чужой спешкой. На стенах шевелились схемы линий. Перестраивались, пока на них смотрели, и делали вид, что так и было. Центральная сияла уверенной золотой полосой. Серая выглядела так, будто ее нарисовали после тяжелого разговора с бухгалтером.

У турникетов сидел контролер. Вернее, над турникетами висела его верхняя половина — нижняя, по словам таблички, находилась на обеде. Он листал журнал нарушений и скучал.

— Билеты.

Я показал проездной жетон. Пликс — свой билет.

Контролер взял двумя пальцами, поднес к глазам, нахмурился.

— Неполный выход.

— Я вышел, — сказал Пликс.

— Не ко мне. Я не составлял вашу биографию.

— Нам нужно проверить запись прохода, — сказал я.

— Основание?

— Частное расследование.

— Справка?

— Клиент.

— Клиенты не справка.

— Смотря какие.

Пликс попытался выглядеть справочно. Получилось тре-

можно.

Контролер вздохнул, ткнул пальцем в окошко рядом с турникетом:

— Архив проходов. Три медных за запрос. Пять — если хотите получить ответ. Семь — если хотите ответ по своему вопросу.

— А за правду?

— Не к нам. Район другой.

Я заплатил семь. Задолженность в ящике, наверное, почувствовала это на расстоянии и заплакала.

Окошко открылось. Внутри — женщина с серебряной линзой вместо левого глаза. Перед ней — карточки проходов, каждая тонкая, как чужое оправдание.

— Время?

— 20:22, Ломбардная. Пликс, младший оценщик.

— Документ?

Пликс протянул служебную карточку.

Женщина провела над пластиной. Пластина вспыхнула, кашлянула, показала силуэт Пликса. Потом силуэт дернулся, распался и превратился в пустое место в форме человека.

— Любопытно, — сказала она.

Я не любил, когда служащие говорили «любопытно». Обычно это значило: платить придется еще.

— Что там?

— Вход есть. Пассажир не определен.

— Но силуэт был.

— Было место, где должен быть силуэт.

— Это разные вещи?

Она подняла на меня линзу:

— Если вы видите дырку в стене — вы говорите, что это окно?

— В некоторых районах — да.

— Не в моем.

Она вытащила карточку прохода, положила на стойку. Пустой контур человека, время входа, маршрут до Узловой. Дальше линия обрывалась чисто, будто откушенная.

— Выхода нет. Пересадки нет. Нарушения нет.

— Почему нет нарушения?

— Чтобы было нарушение, нужен нарушитель.

Пликс тихо пискнул.

Я взял карточку, не касаясь светящегося края.

— Копию можно?

— Уже сделали.

— Я не просил.

— Поэтому честная.

Я заплатил еще два медных за честность. Всю жизнь подозревал, что она должна стоить дешевле.

Когда отошли, Пликс выглядел так, будто его постепенно вычеркивают из собственного лица.

— Господин Гарс...

— Просто Гарс.

— Просто Гарс, что это значит?

Я посмотрел на карточку. Пустой контур. Чистый обрыв маршрута.

— Это значит, что у вас не просто украли алиби.

— А что?

— Кто-то взял все места, где мир должен был подтвердить: «Пликс был здесь», и заставил их сказать: «Здесь было место для Пликса».

— Зачем?

— Хороший вопрос.

— У вас есть ответ?

— Пока нет. Но есть начало.

В этот момент над платформой щелкнуло объявление. Голос метро — вежливый, усталый и слегка влажный, как полотенце в дешевой бане:

— Уважаемые пассажиры. Поезд Центральной линии до станции Узловая прибывает через три минуты. Просьба не забывать личные вещи, детей, направления и подтвержденное присутствие.

Пликс медленно повернул ко мне голову.

— Оно всегда так говорит?

— Нет.

— Это плохо?

— Для начала дела — отлично.

Поезд подошел без звука. Двери открылись. Из вагона вышли люди, запах дождя и раздраженный чемодан. На мгновение в стекле двери отразился я: плащ, усталое лицо, глаза

человека, который только что продал спокойный день за четыре серебряных, девять медных и монету с дыркой.

За моей спиной — Пликс.

А рядом с ним, там, где должно быть пустое пространство платформы, стоял еще один контур. Человеческий. Прозрачный. Без лица.

Он поднял руку и приложил палец к месту, где должен быть рот.

Потом двери мигнули, отражение дернулось — и контур исчез.

Пликс ничего не заметил. Смотрел на поезд как человек, надеющийся, что транспорт хотя бы не станет свидетелем обвинения.

Я спрятал карточку во внутренний карман.

— Пликс.

— Да?

— На лекции справа от вас было свободное место?

— Нет. То есть... теперь говорят, что да.

— А кто должен был сидеть слева?

— Женщина в зеленом платке.

— Хорошо. Сначала Лекторий. Потом она.

— А сейчас?

Я вошел в вагон.

— Сейчас проверим, помнит ли метро, кого потеряло.

Двери закрылись. Поезд тронулся. На схеме над выходом вспыхнула Центральная, потом Серая, потом на долю секун-

ды между ними проступила тонкая бледная черта без названия.

Я успел прочитать только одну букву.

О.

Схема мигнула — и снова стала обычной. Почти обычной.

В БЕСконечном городе слово «почти» было тем крючком, на котором висело всё остальное.

Глава 2. Самооговор с Магическим Уклоном

Метро помнило людей примерно так же, как должники помнят обещания: выборочно, с обидами и только после оплаты.

Поезд шел мягко, без стука и дрожи. В БЕСконечном городе тишина редко означала покой. Чаще — что что-то уже подкралось и ждет, пока вы сами поймете, насколько поздно начали волноваться.

Пликс сидел напротив, вцепившись в шляпу. Шляпа мужественно терпела, хотя по виду уже составляла внутреннюю жалобу.

Над дверью вагона светилась схема. Центральная, Серая, боковые ветки — и между ними та самая бледная черта, появлявшаяся на долю секунды и исчезающая, как мысль о своевременной оплате счетов. Я смотрел слишком пристально. Схема, заметив это, сделала вид, что всегда была простой и законопослушной.

— Вы ее видели? — спросил Пликс.

— Линию?

— Да.

— Видел.

— Значит, я не схожу с ума?

— Одно другому не мешает.

Он побледнел.

— Это была поддержка?

— В моем исполнении — почти.

Мы доехали до Узловой, пересели на Серую и вышли у станции Лекторий Третьего Согласия. Третье Согласие, глаasila городская история, было единственным, на котором когда-либо сошлись преподаватели, студенты и бухгалтерия. Первое сорвалось из-за терминов, второе — из-за обеда.

Станция выводила к площади Зачетных Надежд. Три одинаковых здания, каждое с табличкой «Лекторий». Первое принимало слушателей, второе — жалобы, третье — жалобы на жалобы. Между ними ходили люди с папками и лицами, на которых было написано: образование уже началось, а понимание задерживается.

— Куда нам? — спросил Пликс.

— Туда, где меньше очередь.

— Но это может быть не тот корпус.

— Если в учреждении меньше очередь — оно либо закрыто, либо опасно. В обоих случаях узнаем быстрее.

Мы вошли в среднее. Пахло мелом, старой магией и страхом перед формулировками. На стене — доска объявлений. Верхняя половина сообщала расписание, нижняя опровергала верхнюю по процедурным основаниям. В углу скромно мерцала табличка: «Администрация не отвечает за знания, полученные без квитанции».

За стойкой сидел привратник. Маленький, круглый и такой неподвижный, что сперва я принял его за печать. Потом печать подняла глаза.

— Справки по посещению — окно четыре, — сказал он.

— Я еще не спрашивал.

— У вас лицо человека, которому нужна справка.

— У меня часто такое лицо.

— Значит, вам часто в окно четыре.

Окно четыре находилось за поворотом, под портретом основателя. Основатель смотрел так, будто всю жизнь подозревал знания в недостаточной отчетности. Перед окном стояли трое: девушка с учебником, старик с дипломом в рамке и человек с пустой рамкой, который спорил с ней о содержании.

Мы встали в очередь.

— Что будем спрашивать? — прошептал Пликс.

— Обычное. Кто вы, где были и почему мир делает вид, что его это не касается.

— А если не помогут?

— Тогда помогут не тем способом, на который рассчитывали.

Очередь двигалась со скоростью официального признания ошибки. Старик с дипломом успел доказать, что диплом настоящий, но принадлежит внуку, девушка выяснила, что сдала экзамен будущей весной, а человек с пустой рамкой получил замечание за отсутствие содержательной пустоты.

Наконец подошли мы.

В окне сидела женщина в строгом темно-синем платье. Перед ней — ведомость, рядом — автописец: тонкий медный механизм на трех ножках, с грифелем вместо носа и повадками мелкого чиновника. Царапал по бумаге сам, иногда останавливался, чтобы выразительно не согласиться с написанным.

— Фамилия, имя, причина беспокойства, — сказала женщина.

— Гарс. Частный сыск. Причина беспокойства — чужая.

— Чужие причины принимаются по вторникам.

— Сегодня вторник?

— Нет.

— Тогда тем более никто не заподозрит порядок.

Она посмотрела на меня, потом на Пликса.

— Пликс, младший оценщик третьего стола, — сказала она без вопроса.

Пликс дернулся.

— Вы меня помните?

— Нет. Но у вас вид человека, которого сегодня уже вычеркивали из списка.

Сказано без злобы. В Лектории вообще умели говорить неприятное ровно, будто это часть программы.

Я положил на стойку копию карточки прохода и ведомость из ломбарда.

— Нам нужна запись посещения вчерашней лекции.

— Название?

— «Основы честной оценки проклятых предметов».

Автописец дернулся, царапнул по бумаге и вывел: «Слушатель отсутствовал, но место вело себя занято».

Женщина нахмурилась.

— Не люблю, когда автописец делает выводы раньше запроса.

— А я не люблю, когда выводы лучше запросов.

Она вынула папку. Внутри — листы посещения, план аудитории, жалобы на чайник и записка лектора: «Борода в третьем ряду мешала обзору, но, возможно, имела право».

Пликс подался вперед.

— Вот! Борода! Я говорил!

— Бороды часто выступают как свидетели, — сказала женщина. — Но редко подписывают показания.

План был аккуратным. Третий ряд, справа от прохода — свободное место. Слева — пометка «платок зеленый, опоздала на семь минут, спорила с дверью». Справа — пустота. Не пропуск, не пятно. Пустота, обведенная тонкой линией — словно кто-то решил: отсутствие обязано сидеть прилично.

— Ваш план? — спросил я.

— Автоматический.

— Может ошибаться?

— Конечно.

Пликс оживился:

— Правда?

— В пределах допустимой ошибки. Допустимая ошибка

для плана аудитории — один стул, половина кафедры или до двух студентов философского отделения.

— А оценщик ломбарда?

— Не входит.

Пликс сник.

Я наклонился над планом.

— Что значит линия вокруг пустого места?

Женщина поджала губы.

— То, что место было занято юридически, но не фактически.

— Для людей, не состоящих в браке с канцелярией?

— Кто-то должен был там быть. Система не знает кто. Поэтому оставила место свободным, чтобы не нарушить рассадку.

— Очень вежливо.

— Система гордится собой.

Я попросил показать отпечаток зала. Женщина не стала спорить — либо любопытно, либо решила, что так я быстрее уйду. Оба мотива в учреждениях считались рабочими.

Нас провели в аудиторию.

Третий зал был длинным, ступенчатым и слишком чистым. Чистота в учебных заведениях всегда подозрительна. Нормальные знания оставляют пыль, пятна, ругань на полях и следы отчаяния на подоконниках.

На кафедре стоял чайник. Медный, пузатый, с носиком, изогнутым как ехидная улыбка. На боку — бирка: «Экспо-

нат. Не кипятить вблизи имущества, чувств, мебели и лиц с самооценкой».

— Это он, — прошептал Пликс.

— Чайник?

— Да.

— У него есть алиби?

— Он был на лекции.

— В отличие от вас.

Пликс посмотрел с таким страданием, что я решил не развивать тему. Иногда юмор должен знать, когда оставить человека в покое.

Женщина нажала медную кнопку. Воздух над третьим рядом дрогнул. Появились полупрозрачные силуэты: головы, плечи, книги, зеленый платок, упрямая борода, поднятая рука без владельца.

Поднятая рука висела справа от прохода.

Пликс выдохнул.

— Это моя рука.

— Не вся, — сказал я.

— Я узнаю манжету.

Силуэт руки дрожал. От локтя вниз четкий, дальше растворялся. Место вокруг — пустое.

— Можно остановить на вопросе? — спросил я.

Женщина нажала другую кнопку. Силуэты замерли. Лектор у кафедры, чайник на столе, борода в третьем ряду, зеленый платок повернут к пустому месту. Рука Пликса тянет-

ся вверх.

— Звук есть?

— Фрагментами.

Она повернула рычаг. Из воздуха раздался голос:

— *...вопрос из третьего ряда. Да, вы, справа от прохода.

Если предмет проклят по просьбе владельца, дефектом считается не проклятие, а владелец...*

Потом звук оборвался — будто вырезали ножницами.

Пликс смотрел на пустое место рядом со своей рукой.

— Он ответил мне.

— Да, — сказал я. — Вас из записи выкинули, но вопрос убрать забыли.

— Это хорошо?

— Для дела — хорошо. Для самолюбия — спорно.

Я попросил копию отпечатка. Женщина посмотрела так, как смотрят служащие, когда понимают: человек перед ними собирается продолжать задавать вопросы.

— Это частное дело?

— Пока да.

— Тогда лучше сделать его не частным.

— Почему?

Она закрыла папку.

— Потому что вы не первые.

Я перестал считать дело мелкой неприятностью.

— Сколько?

— В журнале жалоб — один.

— Пликс?

— Нет. За последние сутки приходили еще двое. Один требовал подтвердить, что был на лекции по налоговым иллюзиям. Второй — что не был, хотя все помнили обратное. Оба ушли в Центральный район.

— В полицию?

— В Управление порядка и разумных объяснений.

— Значит, в полицию.

— Если вам нравится грубая терминология.

Я взял копию отпечатка, план и чек. Чек был самым тяжелым документом из трех.

Пликс шел за мной молча. Уже не умное молчание клиента — молчание человека, который увидел собственную руку без себя.

На выходе автописец царапнул по листу. Женщина протянула мне бумагу: «При повторном отсутствии обратиться туда, где отсутствие учитывают профессионально».

— Куда? — спросил Пликс.

Я посмотрел на герб Центрального района внизу листа.

— Туда, где любую беду сначала регистрируют, потом портят, а потом требуют благодарности.

Центральный район начинался с уверенности.

Дома стояли ровно, окна смотрели прямо, фонари горели с видом, будто им выдали полномочия. Даже лужи отражали небо по установленной форме. В Центральном районе власть

была везде: в башнях, печатях, знаках, лицах прохожих, которые старались идти так, чтобы не нарушить направление.

Пликс прижимал к груди шляпу и пакет.

— Меня арестуют?

— Возможно.

— Вы могли бы сказать «нет».

— Мог бы. Но тогда вы начали бы доверять.

— А это плохо?

— До оплаты полного гонорара — опасно.

Управление занимало серое здание с колоннами. Колонны были такими строгими, что рядом хотелось признаться в чем-то мелком, лишь бы пройти быстрее. Над входом — девиз: «Каждому происшествию — приемлемую формулировку». Ниже мелко: «Неприемлемые принимаются через отдельное окно».

Я знал это здание. К сожалению, оно тоже знало меня.

Внутри пахло чернилами, мокрыми плащами и осторожной ложью. В приемной сидели люди, нелюди и двое, которые еще не определились. Очередь тянулась к стойке. Над ней — таблички: «Кражи», «Пропажи», «Самооговоры», «Магические недоразумения», «Прочее, но не очень».

Пликс посмотрел на таблички.

— Нам куда?

— Судя по лицу дежурного — в неприятности.

Дежурный был широким, с глазами человека, который за годы службы научился не удивляться ничему, кроме соб-

ственной зарплаты.

— Имя?

— Гарс.

Он поднял глаза.

— Опять?

— Я тоже рад стабильности.

— Жалоба?

— Украденное алиби.

Он медленно посмотрел на Пликса.

— Ваше?

Пликс кивнул.

— Сами украли?

— Что?

— Алиби. Так бывает. Сначала прячут, потом забывают где, потом обвиняют город.

— Я не...

— Тихо, — сказал я. — Он задает вопросы не для ответов, а чтобы форма не чувствовала себя одинокой.

Дежурный вздохнул, достал бланк, поставил штамп: «Самооговор с магическим уклоном».

— Это не самооговор, — сказал я.

— Пока нет. Но формулировка хорошая.

— Для кого?

— Для статистики.

— А для человека?

Он посмотрел на Пликса.

— Человек в статистику не входит, если не подает отдельное заявление.

Пликс открыл рот, закрыл. Я положил руку ему на плечо.

— Дышите. Это всего лишь полиция. Они страшны только тем, что существуют.

— Гарс, — сказал кто-то за спиной. — Ты опять пугаешь заявителей до того, как мы успели это сделать.

Я обернулся.

С лестницы спускался Риг Велт. Старший дознаватель отдела странных обстоятельств и один из немногих в Центральном районе, у кого совесть была личной. Сильно мешало карьере. Иногда помогало мне.

Риг широк в плечах, узок в улыбке, форму носил так, будто она задолжала ему объяснения. На виске — серебряный знак отдела: глаз, смотревший в сторону, потому что прямо на странные обстоятельства смотреть вредно.

— Риг, — сказал я. — Ты выглядишь почти живым.

— А ты почти платежеспособным. Значит, мы оба врем.

Он посмотрел на Пликса, бумаги, штамп.

— Украденное алиби?

— Уже слышал?

— Сегодня все только о них и молчат.

Мне не понравилось слово «них». Пликсу тоже.

Риг кивнул в сторону коридора.

— Ко мне.

Кабинет Рига — третий этаж, между архивом невозмож-

ных совпадений и комнатой для свидетелей, которые сами не уверены, свидетели ли они. На двери — табличка: «Отдел странных обстоятельств». Кто-то снизу приписал: «Нормальные не принимаем».

— Твоя работа?

— Нет. Но стирать не стал.

В кабинете тесно от шкафов, бумаг и осторожных выводов. Риг убрал со стула стопку дел, показал Пликсу садиться, забрал у меня копии. Читал быстро. Хороший дознаватель читает так, будто документы могут сбежать.

— Ломбард, лекция, метро, пустое место, рука без владельца, — перечислил он. — Неплохо для утра.

— После обеда.

— В нашем отделе утро длится до первого объяснения.

— Пликса обвиняют в краже сейфа.

— Самозапирающегося?

— Ты знаешь?

Риг поднял бровь.

— Гарс, если в городе исчезает сейф, умеющий жаловаться, об этом узнают раньше, чем о пожаре в налоговой. Он оставил заявление.

Пликс вскинулся:

— Что?

— Не лично. Книга жалоб с отсроченной подачей. Последняя запись ушла автоматически.

— Там написано, что я его украл?

— Там написано: если украдет Пликс — я предупреждал.
Юридически это не обвинение.

Пликс выдохнул.

— Пока, — добавил Риг.

Пликс снова перестал дышать.

Риг открыл ящик, достал тонкую папку без номера.

— Официально я ничего не показываю.

— А я ничего не вижу.

— Отлично. Значит работаем в рамках закона.

В папке — три заявления. Первое — от Пликса, составленное дежурным до нашего прихода, и поэтому почти не имеющее к Пликсу отношения. Второе — от женщины Сарны, помощницы архивариуса, потерявшей подтверждение присутствия на ночной смене. Третье — от человека с титулом и слишком длинным именем, начинавшимся с «Тер» и заканчивавшимся угрозой подать жалобу на самую возможность жалоб.

— Трое? — спросил я.

— Официально. Еще двое пытались узнать, можно ли вернуть алиби без регистрации. Один ушел при слове «протокол». Второй предложил купить это слово и запретить его использование.

— Богатый?

— Очень.

— Наследник?

Риг посмотрел внимательнее.

— Почему спросил?

— Богатые редко покупают слова по одному. Обычно берут семьями.

Риг не улыбнулся.

— Один из пострадавших — из дома Терринов.

Я присвистнул.

Дом Терринов владел кварталами, складами, половиной благотворительных фондов и несколькими грехами, оформленными на дальних родственников. Если их наследник потерял алиби — город скоро начнет делать вид, что это не преступление, а недоразумение.

— И ты хочешь закрыть дело как самооговор?

— Я хочу дожить до вечера.

— Скромная цель.

— В Центральном районе скромность — способ выживания.

Он постучал по заявлениям.

— Общее: провал около часа. Связка с метро. Подтверждение не пустое, а неправильное. Это не стирание памяти.

— Я тоже так думаю.

— Тогда мне стоит пересмотреть вывод.

— Почему?

— Когда мы с тобой согласны, город обычно готовит счет. Пликс робко поднял руку.

— Если я не один — это хорошо или плохо?

Мы с Ригом посмотрели на него.

— Для вас — плохо, — сказал Риг. — Но убедительнее.

— А для дела?

— Лучше, — сказал я. — Один без алиби — подозреваемый. Несколько с одинаковой дырой — уже схема.

Риг закрыл папку.

— Могу дать копии неофициально.

— А официально?

— Официально должен попросить не мешать следствию.

— Следствие идет?

— Нет.

— Тогда чему мешать?

— Возможности когда-нибудь начать.

Я посмотрел на Пликса. Он хотел, чтобы взрослые перестали говорить умно и начали спасать его от тюрьмы.

— Мне нужен доступ к записи по Террину.

Риг покачал головой.

— Нет.

— Риг.

— Гарс.

— Я уже в деле.

— Именно поэтому.

Он достал из папки лист и протянул мне.

— Могу случайно забыть на столе адрес человека, который знает, кто пытался снять заявление Террина до регистрации.

— Ты стал рассеянным.

— Работа.

На листе: «Серебряный Проезд, дом семь. После девяти. Не приходить с полицией».

— Ловушка?

— Центральный район. Даже приглашение на чай сначала проходит стадию ловушки.

Пликс сглотнул.

— А мне что делать?

Риг посмотрел мягче.

— Не возвращайтесь в ломбард один. Не подписывайте признаний, объяснений, уточнений, отказов от уточнений и благодарностей. Если подойдет сейф — зовите свидетелей.

— Сейф может подойти?

— Он самозапирающийся, а не самоходный, — сказал Риг. — Но сегодня я не готов спорить с возможностями.

Мы вышли с копиями, адресом и ощущением, что одно дело уже стало тремя.

В коридоре Пликс остановился.

— Господин Гарс...

— Просто Гарс.

— Просто Гарс. Вы правда думаете, что это схема?

— Да.

— И не обо мне?

— Хорошие новости: вы не центр заговора.

Он выдохнул.

— Плохие: вас использовали как часть механизма.

Он вдохнул уже без радости.

— Какую часть?

Я посмотрел на билет метро, пустой выход, адрес Серебряного Проезда. На краю бумаги на миг проступила бледная линия.

— Если механизм собирали из украденных алиби — кому-то понадобилось доказать не где люди были.

— А что?

— Где их не было.

Пликс молчал до выхода. На улице Центральный район сиял порядком, печатями и самодовольством. Вдалеке звонили часы магистрата. Каждый удар — будто время здесь тоже ходит по разрешению.

Я спрятал бумаги.

— Теперь куда? — спросил Пликс.

— Спрячем вас там, где ломбард не станет искать первым делом.

— Где?

— У меня в кабинете.

— Но вы сказали, туда приходят кредиторы.

— Именно. Никто не ищет невиновного там, где все выглядят виноватыми.

Он задумался.

— Хорошее место?

— Нет.

— Тогда почему...

— Потому что хороших нет. Есть только знакомые и плохие.

Мы спустились по ступеням. Сквозь открытые двери я увидел дежурного — он ставил новый штамп на бланк. Я вернулся и прочитал верхнюю строку: «Утрата оправдательных обстоятельств».

Еще один.

Дежурный заметил мой взгляд, прикрыл бланк ладонью.

— Не твое дело, Гарс.

Я посмотрел на него, на Пликса, на двери, за которыми Центральный район делал вид, что город под контролем.

— У меня вывеска такая, — сказал я. — Но я редко ей верю.